

Хэ Сыцзя шлёпнул У Чжэня по руке:

— Отвали!

После обеда они вдвоём отправились на съёмки.

В этот день у Хэ Сыцзя была ключевая сцена: Цзинь Лися, увидев новость о повреждении подаренного богатым купцом антикварного кувшина эпохи Тан в форме головы феникса, почувствовал, что правда рано или поздно всплывёт, и решил вернуться с Цзинь Сяоханем в родную деревню. Перед отъездом нужно было замести следы, поэтому они задержались на несколько дней, едва не попавшись полиции.

Безопасно добравшись до деревни, Цзинь Лися затаился, ожидая, пока слухи утихнут, чтобы затем сбежать за границу.

Однажды он ушёл из деревни по делам, вновь оставив Цзинь Сяоханя на попечение соседей.

Но к соседям неожиданно пришли гости, и те на мгновение упустили Цзинь Сяоханя, позволив ему сбежать.

Когда Цзинь Лися вернулся домой, он увидел опрокинутый шкаф, под которым лежал младший брат, а вокруг — осколки фарфора и лужи крови.

Цзинь Сяоханя отвезли в уездную больницу. Диагноз показал множественные порезы на руках, разрыв нервов запястья и повреждение сухожилий, требовавшие срочной операции.

Именно в период послеоперационного восстановления Цзинь Сяоханя в больнице муж Мяо Цуйлань, заподозрив жену в связи с Цзинь Лися, ворвался в дом Цзиней, чтобы устроить скандал.

Не застав никого дома, он собирался всё разгромить, но обнаружил несколько поддельных антиквариатов, спрятанных Цзинь Лися.

Муж Мяо Цуйлань раньше работал в городе и интуитивно счёл эти «древности» ценными. Руководствуясь мстостью и жадностью, он украл подделки и отправился продавать их в уезд, но был пойман с поличным после доноса.

Цзинь Лися случайно стал свидетелем этого и понял, что его раскрыли. Притворившись, что ничего не произошло, он забрал брата из больницы, угнал машину и вернулся в деревню. Дома он сначала успокоил Цзинь Сяоханя, а затем достал заранее припрятанный старинный пистолет...

Снаружи не умолкал лай собак, слышались звуки сирен.

Хэ Сыцзя должен был снять именно эту сцену с травмой — единственную сцену в фильме, где Цзинь Сяохань плачет.

Обычно интерьерные сцены снимали в небольшом павильоне, но эта была настолько важной, что Юй Фэн лично пришёл на площадку для руководства.

С полудня и до этого момента Хэ Сыцзя пролил не счесть слёз. Поскольку Цзинь Сяохань не мог говорить, даже разрываясь от отчаяния, он не издавал ни звука, лишившись одного из инструментов актёрской игры, что делало сцену сложнее обычной плачущей.

Хэ Сыцзя выплакался до головной боли и рези в глазах, слёз уже просто не оставалось. Он с тщетной надеждой спросил, можно ли использовать глазные капли, но, разумеется, получил отказ.

Более того, Юй Фэн запретил кому-либо на площадке разговаривать с ним и, в отличие от прошлых разов, не стал терпеливо объяснять сцену, велел ему самому найти нужное чувство.

У Чжэнь же оставался на площадке всё время. Иногда их взгляды встречались, но в его глазах не было и тени мягкости, что неизменно напоминало Хэ Сыцзя о первой съёмочной сцене, когда тот упрекал его в пустой трате времени всей съёмочной группы.

Тогда Юй Фэн использовал У Чжэня, чтобы подстегнуть его эмоции, а сейчас использовал всех, чтобы подавить их, заставить его сломаться.

Уже близился вечер. Помощник режиссёра, опасаясь нарушения целостности атмосферы сцены, спросил Юй Фэна, не стоит ли отложить съёмки до завтра.

Юй Фэн потребовал продолжать. Подавление эмоций требовало постепенного накопления, и если сейчас остановиться, вся предыдущая работа пойдёт насмарку. Что касается целостности сцены — это легко решалось пересъёмкой соответствующих эпизодов.

Короче говоря, если Хэ Сыцзя не достигнет желаемого результата, Юй Фэн будет снимать до тех пор, пока не получит его.

Противоборство длилось до ночи. Все были измотаны, особенно Хэ Сыцзя.

Он был истощён не только морально, но и физически, поскольку каждый раз во время съёмок на него обрушивался шкаф. Шкаф был сделан из массива дерева, и его вес был немалым. Однако Юй Фэн считал, что физическая боль — эффективный способ усилить эмоциональное давление, и отказался заменить его на лёгкий бутафорский аналог.

После очередного «стоп» Хэ Сыцзя был уже на грани. Он то чувствовал себя заблудшей душой, случайно попавшей в толпу, то загнанным зверем, готовящимся к выходу на арену. Но, как ни

старался, его глаза оставались сухими.

Подошёл гримёр поправить макияж, нанеся ему на руки искусственную кровь. Хэ Сыцзя смотрел на тёмно-красные пятна, но в голове была пустота.

Вернувшись перед камеру, он увидел двух работников, держащих деревянный шкаф в ожидании, и ему почудилось, будто они растягивают сеть, усеянную лезвиями.

Хэ Сыцзя резко остановился и, отвернувшись, сказал:

— Хочу выкурить сигарету.

Он пристально смотрел на Юй Фэна за монитором, внутренне уже приготовившись к отказу. И когда увидел, что тот кивает, даже подумал, что это галлюцинация.

Юй Фэн потянулся за сигаретой, но кто-то опередил его, бросив пачку. Хэ Сыцзя поймал её и перевёл взгляд на владельца — свет и тень резали контур У Чжэня, создавая уникальную визуальную текстуру, словно в некогда популярных плёночных фильмах.

Хэ Сыцзя вдруг подумал: если бы «Игры с древностью» действительно снимали на плёнку, Юй Фэн вряд ли позволил бы ему делать столько дублей.

В пачке оказалась зажигалка. Хэ Сыцзя достал сигарету, и искусственная кровь быстро пропитала папиросную бумагу. Не обращая внимания на внешний вид, он сел на землю и на глазах у множества камер выкурил сигарету с ментоловым привкусом.

После повторного нанесения грима Хэ Сыцзя лёг на неровный пол. На его спину опустился шкаф, словно гора.

Он принял позу, указанную Юй Фэном, повернув к камере большую часть лица, но не принуждал себя входить в роль. Юй Фэн тоже не торопил его.

Пять минут.

Десять минут.

Или больше.

Хэ Сыцзя не знал, работала ли камера, по крайней мере он не слышал, чтобы Юй Фэн кричал «стоп».

Возможно, под воздействием никотина некий запертый уголок его сознания начал ослабевать. Сероватый дым разъедал клапаны памяти, вытягивая из щелей обрывки прошлого.

В полузабытьи он увидел сырую, узкую и тёмную аллею.

Семнадцатилетний юноша с тяжёлыми травмами лежал у мусорного бака, его правая голень неестественно вывернута, в воздухе витал тошнотворный кислый запах.

Юноша, оставаясь в сознании, но оцепенев, плакал всю ночь, пока утренний рассвет не озарил его и уборщик не обнаружил его.

По дороге в больницу юноша поклялся себе, что больше никогда не прольёт ни слезинки из-за тех людей.

— Кадр! Готово!

Юй Фэн отложил рацию и с облегчением выдохнул.

После краткого затишья на площадке постепенно раздались аплодисменты. Все праздновали — наконец-то завершилась эта мучительная сцена.

И лишь тогда Хэ Сыцзя осознал, что его лицо уже было мокрым от слёз.

Хотя Юй Фэн был крайне доволен только что снятым кадром, он выразил это сдержанно — ему нужно было, чтобы Хэ Сыцзя сохранил эмоции для ещё нескольких дублей.

Когда весь эпизод был завершён, атмосфера на площадке окончательно оживилась. Лишь Хэ Сыцзя оставался подавленным, сидя в одиночестве на низком табурете и отказываясь общаться с кем-либо.

Юй Фэн мягко пытался его утешить, но без особого успеха. Увидев, что подошёл У Чжэнь, он поспешил сказать:

— Ты же старший брат, поторопись утешить младшего.

У Чжэнь, засунув руки в карманы, окинул Хэ Сыцзя взглядом и тихо усмехнулся:

— Младшего брата не нужно утешать, его нужно обнять.

Он так и сделал.

Один сидел, другой стоял. Лоб Хэ Сыцзя упирался в живот У Чжэня — твёрдый и не очень

удобный. Но ему действительно нужно было это объятие, хотя бы в этот момент, чтобы почувствовать себя любимым.

Вдруг Юй Фэн услышал сдержанный всхлип и уже собрался сказать пару утешительных слов, как У Чжэнь поднял указательный палец, сделав знак «тише».

У Чжэнь мягко погладил Хэ Сыцзя по затылку, его опущенные глаза были нежнее лунного света.

Они обнимались, не обращая внимания на окружающих. Постепенно Хэ Сыцзя успокоился, вытер лицо подолом одежды У Чжэня и, подняв голову, обнаружил, что веки у него припухли.

У Чжэнь достал из кармана шоколадку, присел, чтобы оказаться с ним на одном уровне, и спросил:

— Хочешь? Сладости поднимают настроение.

Хэ Сыцзя, с покрасневшим носом, хрипло произнёс:

— Брат, помоги развернуть.

У Чжэнь с улыбкой развернул фольгу и поднёс шоколад к его губам.

Стоявшая рядом Мянмянь, увидев, как её босс не сводит глаз с У Чжэня и покорно принимает угощение, почувствовала, как сердце её сжалось. Хотя картина была прекрасной, в душе зародилось невысказанное беспокойство, словно посеянное семя.

Взяв себя в руки, она отогнала беспорядочные мысли и заметила, что к ним приближается Фу Цянь.

Фу Цянь пришла не ради Хэ Сыцзя. С тех пор, как она накормила его имбирным супом в гримёрке, она заметила, что его отношение стало заметно холоднее. Она долго ломала голову, в чём причина, но раз он не проявлял интереса, то и ей не было смысла навязываться, чтобы не рассердить его.

Подойдя ближе, Фу Цянь заметила, что Хэ Сыцзя, похоже, только что плакал. Сегодня её не было на площадке, и ей стало любопытно, что же произошло. Не успела она задуматься и на пару секунд, как услышала вопрос У Чжэня:

— Учитель Фу, что привело вас сюда?

Фу Цянь очнулась и поспешно ответила:

— Дело в том... Режиссёр Юй, завтра у меня последний съёмочный день, и мой агент тоже

приедет. Мы хотели бы пригласить всех на ужин, если это возможно...

— Конечно!

Услышав слово «ужин», глаза Хэ Сыцзя загорелись, и он с энтузиазмом спросил:

— Режиссёр Юй, это же возможно, правда?

<http://bllate.org/book/15522/1379654>